

в излишнюю гуманизацию законов под прикрытием терпимости и человеколюбия. Это же отразилось и на различии подхода их в понимании пределов юридического оформления крестьянской вольности. Приведенные выше примеры расхождений Сумарокова с императрицей по этому вопросу показывают, насколько чужд был драматург этим проявлениям либерализма, вытекавшим из стремления Екатерины II угодить новейшим веяниям философской европейской мысли эпохи и не учитывавшим специфики социальных условий в России. И отсюда главный, в глазах Сумарокова, недостаток «Наказа» — его отвлеченная демагогичность и отсутствие самостоятельности в позиции его автора, примеры чего также приводились выше. Екатерина II прекрасно чувствовала это. И в своем итоговом обобщающем резюме по поводу замечаний Сумарокова императрица попыталась поставить, хотя бы заочно, своего критика на место. «Господин Сумароков хороший поэт, но слишком скоро думает. Чтоб быть хорошим законодателем, он связи довольной в мыслях не имеет; чтоб критиковать цепь и для того привязывается к наружности колец, составляющих цепь, и находит, что здесь или там в полире [т. е. в полировке. — Ю. С.] ошибки есть, которых пороков он бы оставил, если бы понял связь. Две возможности в сем деле есть: возможность в рассуждении законодателя и возможность в рассуждении подданных, или лучше сказать тех, для которых законы делаются. Часто прямая истина в рассуждении сих возможностей должна употребляема быть так, чтоб она сама себе вреда не нанесла, и более от добра отвращения, нежели привлечения не сделала» (87).

По мнению Екатерины II, Сумароков как поэт лишен способности постигнуть во всей полноте общий смысл написанного ею документа и в своей критике цепляется за частности, не улавливая логики целого. Она исходит из убеждения, что при оценке смысла законоположений законодатель находится в более выгодном положении, нежели те, кто должен будет эти законы исполнять. И здесь привыкшая повелевать императрица не замечает, что ее разграничение прерогатив законодателя и подданных в отношении понимания законов не до конца последовательно, ибо судить о соответствии законов нуждам общества логичнее всего как раз тем, для кого эти законы писаны. Противоречия, содержащиеся в тексте «Наказа», замечали многие, о чем частично уже говорилось выше. Уже после завершения работы Комиссии очень убедительное мнение о недостатках «Наказа» высказал князь М. М. Щербатов. Его позиция достаточно полно была проанализирована Э. Лентином в статье «Республиканская душа? Екатерина, Монтескье и природа правительства в России: „Наказ“ глазами М. М. Щербатова».²⁷

²⁷ Философский век. Альманах 11. Екатерина II и ее время. Современный взгляд. С. 79—96. (На англ. яз.).